

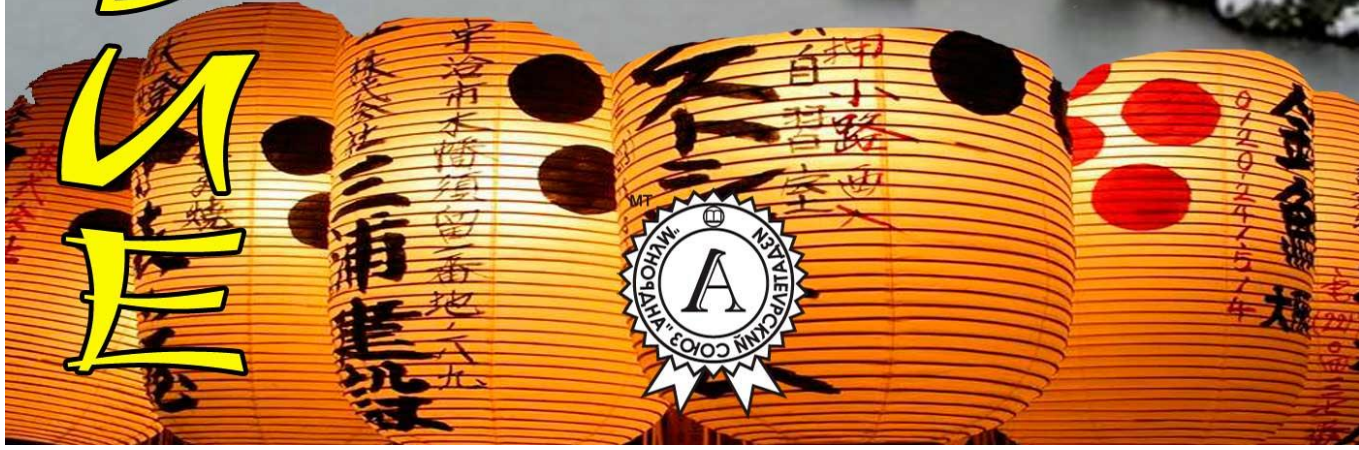
ДАРЬЯ ЧЕРНЫШЦЕВА

МАЛЕНЬКОЙ ПЯГУШКИ,

ИЛИ

КАК
ПРАВИЛЬНО
ВСТРЕТИТЬ
НОВЫЙ ГОД

П
У
Т
Е
Ш
Е
С
Т
В
И
Е

Главная героиня собирается провести новогодние каникулы на острове Окинава в Японии. Чтобы сэкономить, она знакомится с каучсерфером и по приезду на остров, живет у него. А дальше — вся ее жизнь переворачивается с ног на голову! «Бывали ли у вас такие моменты, когда пять минут могут решить всю вашу жизнь? Бывает, что именно из-за этих чертовых пяти минут ты понимаешь, что не в силах что-либо изменить, и если тебе судьба все-таки подарит эти драгоценные пять минут, ты еще успеешь, а если нет, то все — начнется жизнь совершенно другая, тебе придется забыть все, что ты делал и чем жил до этого момента, забыть друзей, родных, работу, увлечения, забыть даже свой родной язык и свою страну...»

Дарья Чернышева

Путешествие маленькой лягушки, или как правильно встретить новый год

Бывали ли у вас такие моменты, когда пять минут могут решить всю вашу жизнь? Конечно, это грубо говоря, что пять, может быть, минутой меньше или больше, но всё-таки. А ещё бывает, что именно из-за этих чёртовых пяти минут ты понимаешь, что не в силах что-либо изменить, и если судьба тебе подарит это драгоценное время, ты ещё успеешь, а если нет, то начнётся совершенно другая жизнь, придётся забыть всё, что ты делал и чем жил до этого момента, забыть друзей, родных, работу, увлечения, забыть даже свой родной язык и свою страну.

Примерно такие мысли кружили у меня в голове, пока я добиралась до аэропорта в Корею. Но начну-ка я, пожалуй, сначала, а то ты, мой дорогой читатель (если таковой вообще найдется), не поймешь всей трагедии, случившейся со мной.

Если начинать совсем издалека, то причиной, толкнувшей меня на моё неожиданное путешествие, стало моё детство. Выросла я в деревне. Не то чтобы совсем в деревне, называется это место гордо — посёлком городского типа, из-за наличия нескольких крупных предприятий и жилых многоквартирных домов, но в общем-то пусть будет деревня М. С детства я обожала читать, мне не нужны были гулянки во дворе, катания на велосипедах, покорение крыш гаражей (хотя периодически я успевала и это тоже). Хлебом не корми — дай интересную книгу, и про меня можно забыть. Мама, наверное, тоже была очень этим довольна, потому что когда все ровесницы стали проситься на «дискотеки», я сидела дома с книжкой в руках, остальное мне было неинтересно. Да и что там могло быть интересного: эльфы в лесу не прятались, вампиры по ночам не нападали, порталы в воздухе не появлялись и даже драконы ни разу ни на кого не нападали — не жизнь, а скука. А в книгах было всё: приключения, волшебство, тайны, герои и чудовища — в общем, кипела настоящая жизнь! С тех пор меня всегда тянет на приключения, просто так жить скучно, всегда пытаюсь выйти за рамки реальности и комфорта. Однажды даже на кладбище ночевала, ну это так, из тёмного прошлого...хе-хе.

После окончания университета я, как положено, устроилась на наискучнейшую работу и тянула лямку производства целых пять месяцев. Когда коллеги на работе стали обсуждать планы на новогодние каникулы, оказалось, что мне вроде как и податься особо некуда. Друзья в большинстве своём разъехались сразу после института, а кто остался, тоже все не местные, разъехались на праздники по домам. Ладно, подумала я, пора навестить родных в деревне, соскучились, наверное, давно не приезжала. На самом деле, за две недели в М. можно умереть от скуки, особенно зимой, если нет лыж или ты (то есть я) не умеешь на них кататься. Да и в тридцатиградусный мороз долго не погуляешь и не покатаешься, скорее, пролежишь все две недели на тёплом диване с телевизором в обнимку и всё. Такая перспектива мне не очень понравилась, и я попросила мою тётю составить мне компанию для поездки в Китай. Наверное, стоит отметить, что здесь, в Хабаровске, съездить в Китай — это вполне обыденное дело, как за продуктами в супермаркет сходить. Так что, мой дорогой читатель, ты не удивляйся. Так вот, говорю я тёте: «Может, в Китай сгоняем на пару дней?» На что она ответила: «Что ты там не видела? Езжай лучше туда, куда давно хотела, на Окинаву, например». Уговаривать на такие вещи меня не надо. «А и правда, почему бы и не поехать?» — подумала я.

Откуда вообще у меня появилось желание поехать на Окинаву, я уже и не помню. Возможно, один мой старый знакомый всё расхваливал мне её, да и погода у них там круглый год тёплая, как говорит Гугл. Конечно, увидев цену билетов, я, мягко говоря, удивилась. Но желания моего это не отбило, поэтому проштудировав множество сайтов, я выбрала билеты подешевле. Перелёт получился с пересадкой в Сеуле и для особой экономии без страховки и возможности возврата или обмена. Короче говоря, купила на свой страх и риск, всё как я люблю.

Как ты, наверное, уже догадался, мой читатель, это было моё первое самостоятельное путешествие в другую страну, и что я там буду делать и как, я представляла себе очень смутно.

Купить билеты на самолет оказалось ещё не самым сложным делом. Следующим квестом было оформить визу. Японская виза — это приглашение, которое должно поступить от какой-либо японской фирмы или университета и быть одобрено консульством. Как мне сообщили по телефону в консульстве, за такое приглашение, которое у нас самостоятельно не делается, турфирмы дерут бешеные деньги. Тут меня в очередной раз выручила моя везучесть и хитрожопость. Не буду описывать как, а то вдруг это незаконно (хе-хе), я оформила-таки визу и стала думать, как бы ещё сэкономить мои скудные средства. Тут я вспомнила об одном сайте, о котором мне тоже когда-то давно кто-то говорил и советовал. Так я зарегистрировалась на «Каучсёрфинге». Для тех, кто не знает, я поясню. Каучсёрфинг — это поиск бесплатного жилья по всему миру у обычных людей, которые принимают путешественников; также ты и сам можешь принимать у себя людей, если позволяет жилплощадь и совесть.

Здесь я быстро нашла, у кого можно остановиться как на Окинаве, так и в Сеуле. Мельком пролистав нужные профили людей, надеясь только на своё безумное везенье, я списалась с ребятами, обменялась контактами и договорилась о встрече. Все просто!

Время до «Этого дня» пролетело совсем незаметно. И вот 31 декабря я еду в плацкарте поезда до Владивостока. Моя любовь к РЖД — это вообще отдельная поэма, но тогда мне было всё равно, я чувствовала, что меня ждут великие приключения, я так волновалась, что проспала весь Новый год, и крики «Ура!» и «С новым годом!» звучали из дальнего купе где-то сквозь сон.

Как я добиралась до Окинавы, я, с вашего позволения, рассказывать пока не буду, это было не очень эпично. Эпично было выйти из аэропорта в Нахе (это административный центр префектуры Окинава) и увидеть пальмы! Настоящие зелёные пальмы! Надо сказать, что прилетела я налегке, с собой у меня был только рюкзак весом в шесть килограммов, но от такой неожиданной красоты я даже не чувствовала его тяжесть и, окрыленная теплым морским ветром, я помчалась на монорельс. Зайдя в вагон поезда, я, конечно, припала носом к стеклу. Тут и сбылась одна из моих мечт — прокатиться в Японии на монорельсе. Вы скажете, что мелко для мечты, но учтите, что я окончила университет путей сообщения. И монорельс — моя родная и больная тема. Больная, потому что, будучи раз в Москве, мне также посчастливилось прокатиться на московском монорельсе до Останкино, что вызвало у меня бурю противоречивых чувств. Не буду описывать особенность конструкции этого транспорта, но то, что есть в Москве — это подобие старого ржавого трамвая.

Здесь же, припав к окну, я прослезилась. Меня уже можно было просто оставить здесь, и я могла бы кататься всю неделю, потом сесть на обратный самолет и быть счастливой на свете. В окне проносились кварталы жилых домов, не очень высоких — никаких небоскребов, всё утопает в зелени и цветах. Да и дома один другого страннее: с винтовыми лестницами вместо подъездов, с бетонно-картонными стенами в желто-бежевых тонах. Всё как-то гармонично, всего в меру. Здесь даже странно смотрелся бы какой-нибудь крутой стеклянный небоскреб или бизнес-центр, ведь немалая часть города застроена только частными домиками, соревнующимися друг с другом в уютности и милоте. Но вот объявили мою станцию «Асата», где я договорилась встретиться с парнем-каучсёрфером, и мне пришлось сойти. На выходе я опять прослезилась, увидев нарисованного на двери плачущего крабика с перебинтованной клешней, который, видимо, защемил её по неосторожности дверью. Это вместо скучного предупреждения «не облакачиваться» и «не трогать руками открывающиеся и закрывающиеся двери». Вы когда-нибудь видели такое? Я — нет!

На станции меня встретил паренёк, взглянув на которого, я сразу поняла, что общий язык мы найдём, хотя мой английский оставляет желать лучшего. Так вот, это был молодой парень неопределённого возраста, у азиатов в принципе его довольно сложно точно определить. Копна чёрных густых волос, длинное лицо, естественно раскосые глаза, приятные, с искоркой, от них веяло какой-то лисьей хитрецей, маленькие очки на носу, который, кстати говоря, очень похож на европеоидный, не то, что у корейцев или китайцев. Роста, конечно, он был невысокого, но в сравнении с моим — метр пятьдесят восемь — он был даже малость великоват для японца. Одет парень был в чёрные пальто, брюки и ботинки, а украшал всё это мракобесие полосатый красно-оранжевый шарф. В переизбытке чувств я чуть было не бросилась к нему обниматься, но вовремя вспомнила, что у японцев это вроде как не принято, поэтому я просто широко улыбалась и, яростно жестикулируя, делилась впечатлениями от только что увиденного в поезде. Японец явно не понял, чему я так радуюсь, но с таким же энтузиазмом принялся расспрашивать меня обо мне и России, на что я, как могла, также в основном при помощи жестов, и отвечала. Кстати, зовут этого парня Хидемаса, и живет он, как оказалось, совсем недалеко от станции. По дороге я, бешено вертя головой, рассматривала воздушные линии электропередачи с трансформаторами на опорах, но это тоже для тебя, мой читатель, скорее всего, неинтересно.

Честно говоря, я совсем не готовилась к поездке в том плане, что я даже на карту ни разу не посмотрела, ни про достопримечательности не почитала. Единственное, что меня занимало, что здесь есть море, и к моменту моего приезда температура воздуха была плюс семнадцать градусов. Дело в том (об этом я узнала позже), что Окинава — самый южный остров Японии, от него до Тайваня ближе, чем до Токио, поэтому тут всегда тепло. Однако плюс семнадцать для окинавцев — это холод, они кутаются в свитера и надевают ещё сто одежек сверху — зима же. И купаться везде запрещено, кроме как в бассейнах. Но я-то не для того из России летела...

Зайдя в квартиру, я с облегчением узнала, что не зря тащила тяжеленный спальник. Квартира представляла собой три малюсенькие комнаты и санузел. Никаких прихожих, сразу зал, только маленький порожек, чтоб разуться. В зале всё по-спартански, но уютно: справа вдоль стены маленькая кухонька, никаких громоздких шкафов и антресолей да и посуды, как выяснилось позже. В центре стоит диванчик, стол. Прямо в правом углу — кресло и письменный столик, на котором есть ноутбук и лампа. Слева дверь в ванную. Дальше идёт чудесная выезжающая перегородка в спальню, где имеется кровать, стул и тумбочка с увлажнителем воздуха и большим фикусом. Всё, дальше поворот налево, в мою комнату. То есть мне так

хочется, чтобы она называлась моей, но вообще она вроде как для гостей, потому что в ней нет ничего, совсем ничего. Тут-то меня спальник и спас. Но к нему мы ещё вернёмся.

Знакомство с квартирой прошло быстро и успешно, и я готова была покорять город. К тому же у Хидемасы тоже были новогодние каникулы. Правда, в Японии они намного короче, чем наши, но, благодаря этому, мой новый друг был рад показать мне город. Первым делом мы отправились на старый рынок, по которому сразу можно было определить, чем занимаются здесь люди, что едят, пьют, что носят из одежды и даже на каких инструментах играют. Побродив с часа два по лабиринтам, я уже примерно представляла, с чем имею дело и чего ожидать от поездки в общем. Тут же обнаружилось, что с ориентированием на местности у меня явные проблемы, потому что куда мы зашли и откуда вышли, я не представляла, но точно знаю, что сама я бы выход ни за что не нашла, а осталась там же с местными бомжами спать на коробках. Проходя по торговым продовольственным рядам, мы не упускали возможности перепробовать всё, что предлагали продавцы: это были и сладости, и сухари, и какие-то джемы со специфичными вкусами. Ещё мы попробовали новогодний напиток — что-то напоминающее грушевый сок с мякотью или компот. Причём все были очень рады нам как возможным покупателям, раскланивались и улыбались, болтали о чём-то на своем птичьем языке и совершенно не расстраивались, когда мы уходили без покупок. К сожалению, большая часть продавцов тоже отдыхала на праздниках, и, пробежав последние пустующие ряды, мы отправились знакомиться с местной кухней.

К этому знакомству я готовилась долго и основательно ещё в России. То есть это я так думала. Русские почему-то сильно распробовали японские суши, сусими, роллы, мисо-супчики и прочие блюда. В том же Хабаровске японских ресторанов чуть ли не больше, чем обычных русских. Вот придет иностранец, а его даже отвести некуда — кругом только китайская, узбекская, корейская, итальянская, немецкая и, конечно, японская кухня. А русской нет! Жил у меня один японец, и по счастливому случаю буквально за пару дней до его приезда у меня гостила подруга, которая, уезжая, оставила огромную кастрюлю борща. Естественно, накормить иностранца борщом — дело святое, вот гость и питался им все три дня. А как только мы с ним собрались идти гулять, так и показать что-то из русского было нечего. Только тогда я поняла, как мы, русские, отошли от самих себя: то, что сделано в России, для нас уже давно не гордость, а посмешище, и мне стало ужасно обидно. В итоге и не осталось совсем ничего: одеваемся только в китайское, машины покупаем только японские, телефоны — только американские, даже музыка кругом играет сплошь иностранная, вот только жить, как эти в этих странах, мы не стали и не станем никогда. Ты уж извини, мой дорогой читатель, но я не могу об этом промолчать.

Но вернемся в Окинаву. Пока мы гуляли по рынку, уже стемнело. Шатаюсь по темным узким улицам, мы забрели в небольшой ресторанчик, который по ценнику был наиболее приемлем нам обоим. Всю площадь этого заведения занимала пара столиков, за которыми уже гудели местные компании. Поэтому нам пришлось сесть у барной стойки (если по-японски она тоже так называется), чему я даже порадовалась: здесь я видела и повара, и весь ассортимент напитков, и снующую между кухней и столиками женщину-официантку, хотя сложно её так назвать — скорее, помощницу повара. Повар и помощница составляли весь обслуживающий персонал ресторанчика — идеально!

Хидемаса заказал на пробу кучу местных блюд, в этом я точно не могла ему посодействовать и понадеялась только на его вкус. В общем-то, впоследствии я делала так всегда. Диалоги между нами были довольно примитивны и скудны, что-то вроде:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Конечно!

— Что хочешь?

— Всё!

— Не вопрос! Начнем с водки.

— Я думала, что японцы пьют сакэ?

— Сакэ тоже, но это водка, она строже, а окинавская водка, я уверен, не уступает по крепости даже русской.

— Ну что ж, попробуем!

Вскоре нам принесли графинчик водки, стакан пива, полотенца — обязательно горячие и влажные — вместо того, чтобы мыть руки. На закуску нам принесли филе сырой рыбы с соусом, темпуру — это различные овощи в кляре, свиные копытца, глядя на которые не поверишь, что это были копытца, да и на вкус они оказались превосходными. Дальше были пельмешки, бутербродики из тофу с малюсенькой рыбешкой сверху. Сначала я всё пробовала с опаской, осторожно, по маленькому кусочку, но распробовав, я смело поглощала всё, что подносили, успевая только менять малюсенькие тарелочки — порции-то у них на один укус. И никаких суши! Это не Япония, это Окинава!

Водка была очень кстати, она имела такой мягкий сладковатый привкус, но, глотнув всего пару раз с рюмки, я почувствовала, что хмелею на глазах. И вот мы уже свободно болтаем о планах на ближайшую

неделю. Хидемаса показывал карту Окинавы и советовал отправиться на соседние острова, где очень красиво и есть возможность, если мне повезет с погодой, даже искупаться.

— А ты будешь купаться со мной, если будет подходящая погода?

— Нет! — Улыбается он.

— Почему? — Я пытаюсь сделать удивлённые и молящие глаза.

— Я буду тебя охранять на берегу.

— От кого? — Интересуюсь я.

— От акул, — как ни в чём не бывало отвечает он.

— Как от акул? Каких акул? Я не хочу акул!

— Не бойся, я же говорю — буду охранять. Если что — кричи.

«Ну здорово, — подумала я. — А и ладно! У нас в Приморье же меня не поймала ни одна, авось и тут мимо проплывёт».

Надо сказать, что плавать я очень люблю — это моя страсть. Особенно плавать в море, это особенное удовольствие. Иногда мне даже кажется, что я родилась в воде, потому что чувствую себя в ней превосходно, могу пронырять весь день, пока губы не посинеют. Главная прелесть моря — это укачивающие волны, лёг на спину и качаешься. Правда, с непривычки потом перед сном странное ощущение: будто засыпаешь на волнах, и в ушах шумит. А спать у моря — тоже огромное удовольствие: шум волн, шелест камней и песка, плеск играющих в воде рыб, спокойствие и безмятежность.

В предвкушении продолжения вечера, мы закончили с трапезой и вышли на улицы уже спящего города. Поплутав еще немного по переулкам, мы вышли на широкую дорогу, одну из главных в городе, по обе стороны от которой тянулись также торговые ряды, зазывая щедрых туристов за покупкой сувениров и местных чудес. Здесь ещё было довольнолюдно: на новогодние праздники в Окинаву прилетели туристы из Китая и Кореи. Как сказал мне парень-кореец, у которого я останавливалась из-за пересадки в Сеуле, корейцы очень любят проводить выходные в Окинаве, да и лететь из Сеула всего два часа.

Надо сказать, что я ни разу не видела такого разнообразия сувениров, даже в Китае. Окинава славится изделиями из керамики, глины, стекла, змеиной кожи. По традиционным поверьям, каждый дом охраняют особые животные — сисы, это такой гибрид льва и собаки. Сисы живут всегда парой. Лев (будем называть его просто, как привыкли) отличается открытой пастью: он готов растерзать врага и отпугивает всё плохое, что может принести в дом беду. А львица, напротив, — с закрытой пастью, она хранит домашний очаг, уют и бережёт любовь. Их можно увидеть в каждом доме, самых разных размеров и разновидностей: керамические, стеклянные, цветные, симпатичные и страшные, сидящие, лежащие, но всегда в паре. Так вот на рынке в каждой лавке можно выбрать себе парочку сис и привезти сторожей домой. Интересно, будут ли они охранять русский дом, или они различают «своих»?

Свернув с главной улицы, мы очутились в небольшом парке, посреди которого стояла беседка с причудливым узлом внутри. Хидемаса объяснил мне, что этот узел от огромного каната — символ мира на острове, и на праздниках проводят соревнования перетягивания такого же огромного и толстого каната. Команде для этого потребуется человек двадцать на одну сторону. Кстати, этот же узел является и символом нового года, люди вешают его над входной дверью, как мы вешаем подкову или венки. Очень точно я попала, когда выбирала сувениры для будущих друзей за рубежом: в книжном магазинчике я наткнулась на магнитик в виде подковы с изображением видов Хабаровска. По приезде я сразу вручила Хидемасе этот презент, который очень его заинтересовал и растрогал. И вот тут-то и пригодилось сходство русской подковки и японского узла.

Вообще можно провести массу аналогий между нашими культурами. Новый год здесь — тоже семейный праздник. Все собираются за большим, наполненным всякими вкусностями столом, желают друг другу счастья и прочих благ и так же, как мы, кутят всю неделю. Национальным инструментом считается трёхструнный сансин, который звучит, как балалайка. Только сейчас вы нигде не увидите играющего на балалайке русского — ни на улице, ни в театре, а окинавцы очень любят свой сансин, и народную музыку можно услышать абсолютно везде. И это не просто для привлечения туристов (хотя, несомненно, и для этого тоже), окинавцы правда её любят. Казалось бы — ну что можно сыграть на трёх струнах? Оказалось, что очень много. Но к этому мы ещё вернёмся позже. А эти песни? Я влюбилась в них с первого раза, как только услышала. У окинавцев есть свой островной диалект, даже своя письменность, и поют они только на своём языке. Сначала это кажется забавным, там и слов-то особо нет, потом начинаешь вникать и даже впадать в странное ощущение вроде транса, потом начинаешь различать оттенки, грустная это песня или задорная, и в каждой свой набор определенных слов, повторяющихся всё время. Что-то вроде нашего «ай люли, ай люли». Есть женский вокал, есть мужской, иногда они звучат отдельно, иногда сливаются и перекликаются, будто заигрывают. Когда я спросила у Хидемасы, о чём они поют, он ответил, что и сам не разбирает местного диалекта, а просто наслаждается звучанием.

Дальше нам встретился магазин-кинотеатр. Малюсенькое помещение, первый этаж которого делился на

отделы с различными побрякушками, склянками, мешочками, платочками, в углу были полки с книгами. Как вы уже знаете, к книгам у меня особая любовь, и я ринулась к ним. Порадовало то, что это были не только манги, с ними я уже была знакома в русском переводе. Здесь была и художественная литература, и крошечные книжечки для детей, особенно порадовавшие меня. Дело в том, что они были вроде как и не книжки, то есть надо было просто быстро пролистать странички и увидеть сюжет на нарисованных картинках, которые как бы двигались. Там были истории про кота, лягушку, мышку и других забавных зверят, и истории эти были такие добрые и милые, что мне захотелось не купить, нет, а нарисовать свою, может быть, для своего будущего ребенка или племянника, но обязательно нарисовать самой. В голове уже складывался сюжет, когда под лестницей я увидела пень. Оказывается, можно прийти, взять понравившуюся книгу, сесть на пенёк и почитать! Гениально! И никто тебе не помешает и косо не посмотрит. Вроде и не библиотека, но если уж очень хочется и интересно, то пожалуйста. Лучше бы ты её после этого купил, но если нет, то что поделать, найдём другого владельца, а ты заходи ещё, будем рады. Вот что я вам скажу: если бы у нас было такое место, я бы там жила, может, даже устроилась бы туда на работу — за товаром следить или полы мыть, без разницы! Ничего более уютного я не видела!

С трудом оторвавшись от полок с книгами, мы поднялись на второй этаж, где оказался маленький кинозальчик. Здесь можно выбрать любой фильм, позвать друзей и занять весь зал. Внутрь я не проходила, но подозреваю, что мест там не больше десяти. А ведь можно просто пригласить девушку на свидание, и весь кинозал будет только для вас двоих...

Дальше нам встретился магазинчик с военной атрибутикой — униформа, ботинки, шляпы, береты, рюкзаки, оружие, гора пустых гильз и многое другое.

— Окинава — оккупированный остров, здесь расположены военные американские базы, поэтому можно встретить много военных магазинов вокруг. Город Гинован — это американская деревня, то есть там живут практически только американцы, — начал Хидемаса.

Я очень не люблю темы, касающиеся военной политики государств, и особенно касающиеся Америки, поэтому я отвлекла его внимание, надев на голову красный берет набок и схватив воздушную ракету в руки. Я стала позировать и корчить рожи, как суровый офицер, чем, конечно, рассмешила Хидемасу, благо больше никого в магазине не было. Политику лучше оставить на потом...

Вернулись домой мы поздно, назавтра решили с островом повременить, посмотреть по погоде. Из-за картонных стен дома в квартире было даже прохладно, примерно как и на улице — в районе пятнадцати-шестнадцати градусов, пришлось даже включить обогреватель. Но меня сложно заморозить такой температурой, у меня дома было точно так же. Приходилось надевать кучу кофт, спать под двумя одеялами, а передвигаться из кухни в комнату мелкими перебежками. Поэтому я укуталась в тёплый спальник и мгновенно ушла в сладкие скитания в стране снов.

Утро встретило нас не очень радостно. Проснувшись, я поняла, что хорошенько выспалась, но в комнате почему-то темно. Потом я сообразила, что окна плотно закрыты жалюзи, и свет сквозь них не проникает вообще. На всякий случай я немного повалалялась и услышала, как встал и зашуршал мой сосед. Только тогда я осмелилась вылезти из спальника и окунуться в бодрящую свежесть комнаты. Приоткрыв окно, я увидела пасмурное небо и угрюмый серый пейзаж. Мне стало холодно, и я надела всё, что было тёплого из одежды, кроме зимней куртки, шапки и вязаных носочков. Кстати, эти носочки связала мне в подарок подруга какой-то особенной историчной вязкой из натуральной шерсти. Обрадовавшаяся такой красоте, я решила, что пусть они путешествуют со мной, вдруг пригодятся. Правда, уже в поезде я поняла, что от них безумно чешутся ноги, и спать в них уж точно никак нельзя. Но, живя у Хидемасы, я их быстро приспособила носить вместо тапочек, тем более что они длиной до колена, и ножки в них совсем не мёрзнут. Из-за этого носочки мне теперь особенно дороги, низкий поклон подруге.

Пока я возилась, Хидемаса приготовил нам завтрак. Никто никогда, ну кроме мамы, конечно, не готовил мне завтраки. И это было так чудесно! Как я говорила, с посудой в доме был напряг. Имелось целых две ложки, две миски, пара кружек и один набор палочек. Протянув большую миску мне, Хидемаса сказал: «Не понравится — отдашь мне, я доем». Ага, конечно. Он не успел и глазом моргнуть, как я проглотила всё — невероятная вкуснятина! Это были мюсли с йогуртом, вроде ничего необычного, но таких у нас точно нет. Причём йогурт Хидемаса делает сам из специальной смеси и молока, добавляет ложечку меда для сладости и вуаля! — вкуснейший на земле завтрак готов! Я пыталась впоследствии повторить это дома, но ничегошеньки не получилось, даже отдаленно не напоминало. Возможно, дело было вовсе не во вкусе, а в чувстве... Теперь и не узнаешь.

Потом мне на выбор предлагалось попробовать чай или кофе. Нельзя было выбрать оба или одно и то же и приготовить одно и то же. Этот закон выбора действовал во всём, но, к удивлению, я ни разу не ошиблась. Чай был особый — индийский и молочный, но выглядел он как какао: такой же порошок заливается водой и размешивается. На вкус тоже напоминает какао, только с пряностями, мне показалось, там был имбирь и корица.

Этот чай на самом деле был привезён Хидемасой из Индии. Он прожил в Дели целый год, работая учителем английского языка в школе. У Хидемасы вообще жизнь складывалась довольно необычно по нашим меркам. Родился он в Нагое, учился в Токио, но жить в Токио не смог — слишком дорого, поэтому уехал в Индию. Через год вернулся к родителям в Нагою, пожил немного там, написал книгу и переехал на Окинаву, так как здешний мягкий и тёплый климат пришёлся ему по душе. Теперь он работает учителем японского языка в школе для иностранцев, зарплата учителя позволяет ему жить безбедно, пару раз в год путешествовать по миру и заниматься клаймбингом. Вообще все японцы и жители Японии любят заниматься клаймбингом, то есть лазать по горам, я так поняла, это у них самое распространенное увлечение. На втором месте идут горные лыжи, а на третьем, как ни странно, гольф, но про него тоже отдельная история.

После завтрака мы решили посетить самое популярное среди туристов место — замок Сюри. Ехать до него было недалеко, но какое ж удовольствие покататься еще разок на монорельсе! Выйдя на нужной станции, мы пошли вдоль холма по серпантинной дороге, окружённой снизу каменной стеной. Дорога была вымощенная из белых булыжников. Оказалось, что почти все дороги, дома и стены в Окинаве сделаны или выложены из коралла! Коралл — отличный отделочный материал вместо любой плитки. Мы залезли на стену и пошли по её хребту. Разглядывая структуру стен, я заметила можно выбоины — это разрушающая сила обычного дождя. Оказалось, что коралл очень чувствителен к потокам воды и разрушается под действием сильных ливней, поэтому со временем его надо класть заново, благо недостатка в этом материале на острове не будет никогда.

Внизу под стеной располагалось большое, но невысокое здание, мрачное, среди богатой зелени вокруг.

— Как ты думаешь, что это такое? — Спросил Хидемаса.

— Не знаю, может, школа?

— Это тюрьма. Сюда привозят очень плохих людей, они делали плохие вещи. Ты когда-нибудь делала плохие вещи?

— Нет вроде.

— Неужели? Ты обманываешь меня!

Я призадумалась, но так и не смогла вспомнить, за что же меня можно было бы посадить.

— Да не вру я, ничего такого не делала.

— И тебя ни разу не приводили в тюрьму?

— Нет! А почему ты спрашиваешь? Как насчёт тебя?

— Ну, было дело...

Я насторожилась, ведь я привыкла верить людям и уже составила себе портрет моего нового друга, и уголовник в него точно не вписывался.

— Просто как-то попал в аварию на дороге, но я был не виноват, мотоциклист резко вывернул навстречу из-за угла.

«Уфффф, пронесло», — расслабилась я.

Я, конечно, не ожидала, что он сейчас начнет признаваться в убийстве своей семьи или бывшей возлюбленной, но мало ли, психи разные бывают. К счастью, всё обошлось.

Так мы добрались до храма, который оказался заодно и картинной галереей, и выставочным залом с аквариумами. Попугав немного рыб, мы поднялись наверх, где было место для молитв. Никаких икон, изображений богов, никаких символов веры — просто ограждённая площадка для молящихся с красивыми растениями и цветами, а посреди какие-то чаши и вазы. Тут же был загончик с коробочкой, куда надо было попасть монеткой, чтобы в новом году привалило богатство. Японские йены мне было жалко, поэтому я кидала рубли. С третьего раза мне удалось забросить двухрублевую монету точно в коробочку, чему я, конечно, была несказанно рада, ведь богатство еще никому не помешало. Девушки в национальных одеждах угостили нас новогодним напитком, тем самым, что мы пробовали на рынке, а за сто йен Хидемаса вытаскил для меня предсказание судьбы в новый год. В пожелании говорилось, что у меня всё будет очень хорошо: если ищешь — найдешь, если болеешь — выздоровеешь, если есть любимый — выйдешь замуж, если хочешь ребенка — родишь, если хочешь переехать — переедешь, и всё в таком же духе. Просто сказка, а не жизнь в этом году! Тут же продавались маленькие керамические и фарфоровые овечки — символ года. Хидемаса принялся было мне объяснять, что они значат, но я призналась, что восточный календарь так же популярен в России, как и здесь, и что год Овечки — это мой год, и я знаю, что мне непременно повезёт во всём. Он был весьма удивлён и даже немного расстроился, что не смог меня в очередной раз поразить. Хидемаса вообще большой охотник на рассказы. Он любит делиться впечатлениями и знаниями обо всём, что знает и что видел. Если бы я говорила по-японски, у него бы, наверное, вообще рот не закрывался, а так ему приходилось долго подбирать слова, чтобы я всё поняла.

Когда мы спускались обратно, мы заметили дверь на небольшой балкончик. Здесь висел большой гонг, и чтобы в него бить, на цепях висело большое бревно.

— Хочешь ударить? — Спросил Хидемаса.

— А можно?

— Попробуй.

Я, недолго думая, раскачала бревно и что есть мочи ударила в этот самый гонг. Оглушительный звук удара, казалось, разлетелся по всей округе на много километров.

— А теперь бежим! — Крикнул Хидемаса, уже рванув с места.

Я, матерясь и хихикая, ринулась за ним. Выбежав на улицу, мы оглянулись — никто нас не преследовал. Хохоча, мы кое-как перевели дыхание, пофотографировали окрестности и двинулись дальше.

Вскоре мы увидели прудик, через который был перекинут мост до беседки и большого странного дерева, состоящего как бы из множества маленьких ветвей, которые, как волосы, свисали вместе с листвой почти до самой земли, так что можно было в них спрятаться. Мне сразу вспомнился мультик про аленький цветочек, где чудище так же скрывалось в похожих деревьях, чтобы не пугать Настеньку. По аналогии я стала прятаться от Хидемасы в ветвях и вешать веточки на голову вместо волос. Потом я увидела, что вокруг очень много интересных птиц. Они сидели на деревьях, плавали в пруду, бегали от детей по кустам. По виду они похожи на уток, только крупнее, а по характеру напоминали наших голубей — откормленных, наглых, привыкших к людям и надменным. Заметив одного, примостившегося на заборе, я нацелилась его поймать. Подойдя вплотную, я протянула руки, но, побрякивая, птица неуклюже поторопилась отойти подальше. Я подкралась опять, и мне почти удалось схватить её, но я побоялась оторвать ей хвост, и в руке у меня осталось только перо на память. А недовольная птица предпочла перелететь на воду, где её точно никакие люди не посмеют достать.

В этом пруду плавали карпы. Жирненькие такие, разных оттенков — белые, красные и чёрные. Их можно было достать руками, но Хидемаса сказал, что нельзя, потому что их здесь специально разводят для поддержания вида, иначе бы они уже вымерли. А ещё здесь было озерцо, вокруг которого надписи гласили «На эту сторону пруда не ходить — опасная черепаха».

— Разве черепахи опасны? — Спросила я Хидемасу.

— Эти да. Они большие и могут напасть и больно покусать за ногу.

— Вот это да!

Но я-то уж, конечно, успела подумать, что тут обитают черепахи-каннибалы или ядовитые маленькие черепашки, плюющиеся ядом... Хотя вдруг и правда больно кусают, проверять я не рискнула.

Пройдя по тропинке через лесок, мы внезапно вышли к выходу из парка и всей территории замка тоже. Тут была карта, показывающая наш путь, и где нам надо было свернуть, чтоб выйти на сам замок. Пришлось обходить с другой стороны, обратно же идти не интересно.

Новая дорога вывела нас прямо на вход, охраняемый, естественно, сисами. Вход был свободным, к тому же в связи с новогодними праздниками в этот день на территории проходила культурная программа, которая состояла из уличных перфомансов. Внутри самого замка вход был платный, но оказалось, что замок — это вовсе и не замок в нашем представлении, а обычная пагода, которая ничем особенно и не отличается от китайских. А представление, проводимое за стенами и состоящее из выхода императора и императрицы, мы посмотрели через проём ограждения.

Зато мы вовремя подоспели на представление небольшого открытого театра. Оно состояло из трёх танцев, сопровождавшихся традиционной музыкой. Первый танец исполнялся под очень медленную мелодию, почти без слов. Танцоры вышли в шёлковых халатах, половина в чёрно-золотых, половина в красно-белых. Шли они в такт музыке очень медленно, акцентируя точность каждого шага. В руках у них были белые веера, которые они так же медленно разворачивали. Сделав какое-либо движение, они застывали в определенной позе, ожидая следующего звука. Всё очень точно и синхронно, ничего лишнего, танец как бы говорил, что торопиться не следует, все идёт, как надо, и ты увидишь это, если замедлишь ход своей жизни и своего сердца.

Второй танец был немного оживлённей. Помимо струнных инструментов, зазвучали барабаны, а танцоры вышли, стуча на каждый второй такт кастаньетами. Одеты танцоры были в причудливые голубые халаты с огромными рукавами, на головах у них были огромные шляпы с завязками на подбородке. Шляпы напоминали цветные гигантские грибы или перевёрнутые венчики цветов. Даже несмотря на повязки, было абсолютно непонятно, как такие огромные шляпы могут держаться на голове. Позже выяснилось, что танцоры не только ходят, а ещё и поют, то есть выкрикивают что-то при определенных поворотах. Это зрелище было очень завораживающим, но покружившись и поменявшись местами, артисты ушли один за другим со сцены. И тут началось самое интересное.

Третий номер начался с того, что на сцену выбежала девушка, одетая в обычное крестьянское платье, в руках у нее была метла, а так как бежала она босиком, я заметила, что не только её лицо, но и руки с ногами были чем-то выбелены. Я знаю, что у японцев всегда было принято выбеливать лицо, за что, собственно, они и любят русских девушек и очень завидуют бледности их кожи. Но чтоб были забелены руки и ноги, я видела впервые.

Пританцовывая с метлой, девушка стала петь о проблемах крестьянской тяжелой жизни (как я думаю), зато под очень веселую и задорную музыку: музыканты рвали струны, как могли, что придало этому инструменту ещё больше сходства с балалайкой. Девушка повизгивала и покрикивала, не забывая кружить по сцене и изображая трудовые будни. Тут к ней присоединилась вторая танцовщица, но с корзинкой. Они стали вторить друг другу и кружить вдвоём, пока, видать, не высказали всё, что накипело. Потом вышли остальные танцоры, одетые как обычные горожане столетия этак десятого, и стали кружить, прыгать, выделять акробатические приёмы, при этом помогая девушкам петь о своих трудностях городской жизни и будучи очень довольными, что они в этом городе всё-таки живут.

Всё это так меня заворожило, что я просто не могла оторвать взгляд, мне кажется, что я даже сидела с открытым ртом, уже и не помню. Они меня так увлекли и вдохновили, что я потом весь день напевала их песенки и повторяла что-то типа: «А-тото-сои-сои, а-тото сои-сои. Аиса! Аиса!» Ух! Вот это энергетика!

Немного одурманенную меня Хидемаса после окончания перфоманса повёл на обед. До следующего представления был еще целый час, а времени после завтрака прошло уже немало, и мы успели нагулять хороший аппетит.

Прошатавшись ещё с полчаса в округе в поисках ресторанчика, я успела оценить красоту ландшафтов и жилых домиков. У меня было ощущение, что я попала в какую-то сказку: всё вокруг было такое нереальное. Будто и меня здесь быть не должно, как монтаж обложки журнала: на красивую картинку поместили человека совсем из другого мира, просто вырезали и вставили. Я не верила своим глазам, да разве ж можно так жить? Разве бывает так красиво? Чтобы окончательно меня добить, погода разъяснилась, показалось солнце, и сразу стало жарко (а Хидемаса был так же, как и вчера, — в чёрном пальто и куче кофт). Вся местность тоже преобразилась: всё стало ещё ярче, трава и деревья стали зеленее, цветы — насыщеннее и разнообразнее, ручьи заискрились, крыши засверкали, а сисы заулыбались.

Я с огромным трудом сдержалась, чтоб не разрыдаться, как мы пришли в нужное место и сели за столик. Конечно, не просто взяли и сели. Сначала на пороге надо разуться, убрать обувь в шкафчики, пройти в отдельную комнату со свободным столиком. Сам столик расположен очень низко, и я испугалась, что придется есть, сидя на коленях, но оказалось, что под столиком есть специальное углубление, чтобы вытянуть ноги. Это, конечно, сильно упростило квест. Дальше надо было опять выбирать еду. Коротко перечислив, что есть в меню, Хидемаса посоветовал мне попробовать традиционный окинавский суп. Я, как я уже и говорила, противиться не стала. Суп так суп, я бы на тот момент и слона слопала, если бы был. А сам Хидемаса заказал себе какой-то стейк. Пока нам готовили еду, мы пошли прогуляться по округе. При ресторанчике была терраса, тут тоже был столик, но он был занят семьёй, причём пока родители беседовали, дети носились вокруг маленького прудика по деревянному настилу, их даже развлекать больше ничем не надо было. Какие игрушки? Там же рыбки плещутся!

Пока мы гуляли, обед уже приготовили. Только мы сели за стол, нам принесли огромный поднос с заказом. Моя тарелка с супом была размером с маленькую кастрюльку, а к супу отдельно ещё принесли маленькие тарелочки с салатиками из крахмальной лапши. Суп состоял так же из лапши, кусочков свинины, яйца, салатных листьев и каких-то еще овощей. Попробовав подцепить лапшу палочками, я поняла, что обед затянется надолго. Одно дело есть палочками те же суши или отдельные кусочки, и совсем другое наматывать на них лапшу. Как я ни старалась, так и не смогла овладеть этим магическим приёмом. Может, в следующий раз с попытки эдак сотой у меня и получится, а пока я умаялась так, будто я не обедала, а мечом махала. Хидемаса к тому времени уже давно справился со своим стейком и картошкой и, хитро улыбаясь, наблюдал за моими мучениями.

Сытые, мы побрели обратно. Чтобы опять попасть в замок, нам пришлось взбираться по крутой дорожке на самый верх холма. Солнце уже жарило вовсю, и Хидемаса, наконец, расстался со своим пальто. Я шла в одной тонкой рубашке и брюках, и то я чувствовала, что можно было бы снять и их. Наверху мы спаслись в тени дома у дороги, посидели на бордюрике, немного остыли и поспешили на следующий перфоманс.

На полянке уже готовились к представлению. Это были ребята лет по пятнадцать, может, даже меньше, одеты они были в одинаковые чёрные штаны, зауженные книзу, сверху были подпоясанные белые рубахи, на ногах — мягкие сапоги практически без подошвы. Я сразу вспомнила про ниндзя и всяческие дзюцу и подумала, что парни, наверное, сейчас будут показывать приёмы какого-нибудь боевого искусства. Но нет, они готовили огромный шест, метра четыре в высоту, наверху у которого были закрылки и круглый наконечник.

Двое — парень и девушка — стояли у края поляны, и когда время подошло, парень взял в руки небольшой барабан, а девушка — знакомый уже нам сансин. Под неспешный ритм парни вдруг схватили этот огромный шест за самый низ, подняли его и стали подбрасывать его вверх, заставляя те закрылки у наконечника взлетать вверх и вниз. Подбрасывая, ребята то вместе, то по очереди что-то выкрикивали, я так поняла, что это было: «Эх, ухнем!» Причём подбрасывали они его тоже по очереди и передавали после

примерно пяти таких подбрасываний соседу, которому надо было не только не уронить шест, но и перемещаться по поляне, выкрикивая это самое «Эх, ухнем!». Зачем всё это надо, было непонятно. Я пристроилась на траву у края поляны и заморожено наблюдала за этим действием. Несколько парней поддерживали шест за натянутые веревки по периметру поляны, они выкрикивали какие-то свои особые слова, в моём воображении это было: «Эх, раз, ещё раз!». Они в перебрасывании шеста не участвовали, но когда он случайно начинал крениться у незадачливого артиста, парень мог за веревку натянуть шест в обратную сторону, а остальные помогали не уронить его совсем. Главной задачей, как я поняла, было ни в коем случае не уронить шест, передавая его из рук в руки, нельзя было допустить, чтоб он коснулся земли и перестал парить в воздухе. Наконечник ярко блестел в солнечных лучах, закрылки задорно подпрыгивали, инструменты монотонно отбивали ритм. Действие продолжалось довольно-таки долго, я уже успела опять войти в транс и отрешиться от всего вокруг, наблюдая только за происходящим на поляне, как музыка вдруг оборвалась, и парни с облегчением опустили шест на землю. Так я в очередной раз спустилась с небес на землю, и довольные, мы пошли в сторону дома.

— Мы здесь, — показал Хидемаса точку на Гугл-карте. — А дом мой вот здесь, — провел он пальцем вправо. — Мы можем вернуться на станцию, а можем пройти пешком, это займет минут тридцать-сорок, если пойдём вдоль этого канала, ты же помнишь его? Он проходит совсем рядом с моим домом.

— Да, конечно, это он и есть?

— Да, это он. Попробуем?

— Конечно, куда нам торопиться?

Оказалось, что канал начинался от озера, расположенного как раз посреди большого парка. От него мы и двинулись прямо вдоль ограждения. Озеро было грязноватым из-за обилия растений, покрывающих дно. В одном месте мы даже встретили огромного карпа, который то ли сам выпрыгнул на берег и не смог вернуться обратно в воду, то ли его как-то выбросило. Браконьеры тут точно отпадали: там, где в Японии запрещено рыбачить, японцы на самом деле не рыбачат! Такие вот они законопослушные. Есть чему поучиться.

Поблуждав по тупиковым тропинкам, мы вышли на дорогу и пошли по обочине. Здесь меня поразило ещё одно чудо. Я уже заметила, что за всеми деревьями и растениями местные жители следят и ухаживают, ставят подпорки, подрезают сухие и торчащие веточки, огораживают от прохожих досками, подвязывают кустарники, чтоб не разрастались, подкармливают корни и многое другое. Но такого я ещё не встречала: вдоль каждого ствола дерева были привязаны мешочки с землей, в которых проклевывались бутоны самых разнообразных цветов. Те деревья, что уже «цвели», выглядели так красочно и шикарно, что слёзы умиления так и застревали в горле. Ну почему у нас всё не так? Разве ж это сложно? Почему у них нет вандалов, портящих всё, что создаётся для людей с таким трудом? Почему у них никому даже в голову не придёт сорвать и растоптать эту красоту? Почему у них никому не плевать на чей-то труд и старания? Почему им не всё равно, в каком городе они живут?

В таких мыслях я провела половину пути, пока мы не вышли на жилой квартал. Там мы свернули в переулок, и я отвлеклась на великолепные дома, многие из которых были затянuty вьющимися растениями, что придавало им загадочный и сказочный вид.

— А это дом очень богатого человека, — показал Хидемаса на двухэтажный коттедж, окруженный небольшим ограждением, затянutyм листвой. Во дворе дома располагался садик с небольшим фонтанчиком, вокруг которого росли разнообразные карликовые деревья. Надо сказать, коттедж не выделялся особой роскошью — всё довольно скромно, на мой взгляд, но продумано до мелочей, и ни одного камушка не на своем месте. Однако одного взгляда хватило, чтобы представить себе живущих здесь людей. Вот муж с утра после семейного завтрака, дочитывая новости в утренней газете, выходит во двор, заводит машину, целует жену и отвозит детей в школу, после чего отправляется на какое-нибудь важное совещание директоров. Жена в это время, оставаясь дома, наводит порядок в комнатах, поливает цветы, а затем отправляется в город за покупками на своей маленькой машинке. К обеду приходит садовник, который тщательно подравнивает лужайку, подстригает кусты и подметает тропинки, выложенные белым кораллом. К вечеру хозяйка возвращается с покупками для любимой семьи, она выбрала мужу новый галстук, дочери прикупила новое платье ко дню рождения, а сыну взяла доску для серфинга — он так давно её просил, правда, до лета еще далеко, но пусть пока привыкнет и освоит её в теории. Жена узнала сегодня от подруги новый рецепт, и ей не терпится порадовать домашних. Она отправляется на кухню, надев поверх шелкового кимоно белый фартук. Часам к восьми муж-бизнесмен, уладив свои дела на работе и заключив долгожданный многомиллионный контракт с инвестором, забирает сначала дочку с уроков музыки, потом они заезжают за сыном в бассейн, и он после тяжелой тренировки засыпает прямо на заднем сидении авто. Вместе они возвращаются домой уже затемно, где за большим круглым столом их уже ждёт готовый ужин, источая изысканный аромат. Счастливая жена принимает комплименты за свою стряпню и торопится ещё порадовать домочадцев подарками. Муж довольно целует жену в красивые губы. Дочь, радостная, кружит перед зеркалом в шикарном платье, подчеркивающим ее тоненькую фигуру. Сын носится по лестнице с доской в руках, в своих

мечтах он уже покоряет самые высокие волны. Все счастливы. Занавес закрывается.

«Вот это жизнь!» — Вздохнула я, прогоняя сладкие фантазии.

Дальше мы прошли мимо большого здания, на входе которого было написано «Средняя школа».

— Сколько лет дети учатся в школе? — спросила я Хидемасу.

— Сначала дети поступают в начальную школу, где учатся с шести до тринадцати лет. Затем они переходят в среднюю школу и проводят там ещё два года, а потом идут в старшую школу ещё на три года. Всего двенадцать классов, но в старшей надо платить за обучение. После этого, если бюджет родителей позволяет, ребенка отправляют в университет на пять лет.

— У нас почти так же. Только школы не разделяются, но после девятого класса можно уйти в училище, это как ваш колледж, или вообще бросить учебу и пойти работать. Классов у нас всего одиннадцать, потом так же пять лет в институте.

— Кстати, я же предупреждал тебя, что со вторника мне надо выйти на работу? У нас заканчиваются выходные, и ты можешь найти новое жилье или кого-нибудь, с кем можно погулять днём.

— Да, я помню, придумаю что-нибудь ближе ко вторнику, ведь сегодня только пятница!

Тут я вспомнила, что Хидемаса работает в школе, и стала его расспрашивать:

— А ты в какой школе преподаешь? В средней или старшей?

— В иностранной. Это ни то и ни другое, но занятия проходят как в обычной школе, ученики занимаются с восьми утра до трех часов дня. Есть расписание занятий, несколько предметов. У меня, кстати, учатся двое русских студентов — Ольга и Николай.

— Сколько нужно времени, чтобы выучить японский язык?

— Если ты будешь учиться в моей школе, то три года.

— За эти три года я научусь только говорить или читать и писать тоже?

— Конечно, научишься, я же буду тебя учить, — опять по-лиси улыбнулся Хидемаса.

— А можно будет прийти с тобой в школу во вторник, я очень хочу посмотреть?

Я просто внезапно вспомнила все пересмотренные мною аниме про японские школы и их бесподобную школьную форму, особенно у девочек, и мне страсть как захотелось увидеть это вживую.

— Ну, нет, — протянул, улыбаясь и пряча глаза, Хидемаса.

— Почему? — расстроилась я.

— Если я приду с тобой в школу, все подумают, что ты моя девушка, и будут долго расспрашивать меня о тебе.

«Подумаешь, беда какая, — ещё больше расстроилась я. — Что, мужик не может привезти подругу на работу? Да и какая им разница! Пусть завидуют, могу и девушкой побыть на время. Какие же мы стеснительные!»

— Ну и ладно, — ответила я, не посвящая его в своё негодование.

За разговором мы наконец-то вышли на нужную станцию и вернулись домой. Дома было хорошо, прохладно, мы выпили чая и отдохнули. Время летело с бешеной скоростью и, посмотрев на часы, я с удивлением обнаружила, что уже вечер.

— Я проголодался, пойдём искать ужин? — протянул Хидемаса.

Он вообще, как я узнала, хоть и выглядел маленьким и худеньким, но покушать любил, как настоящий мужик.

— Ты готовишь себе еду хоть иногда или всегда ходишь в кафе?

— Нет, я не готовлю.

— Почему?

— Это неправильно, и я не умею.

— Почему?

— Это так долго, мне нравится кушать где-нибудь, но не дома.

— У нас люди не могут позволить себе каждый день кушать в кафе и ресторанах, это очень дорого. Я вот всегда сама себе еду готовлю и на работу с собой беру.

— Странные вы, — засмеялся лис и повел меня на ужин.

Я так и не поняла, как можно ориентироваться в этих узеньких улочках. Вроде идёшь прямо, идёшь и бах! — тупик. Сворачиваешь в другой переулок, идёшь, идёшь, бах! — опять тупик! И так можно плутать до бесконечности, по крайней мере, я бы так и делала, если бы со мной не было проводника. Сам-то проводник тоже иногда путался, и приходилось ориентироваться по gps. Как-то даже одну и ту же дорогу мы переходили раз пять — трижды туда-сюда на одном перекрестке, а потом ещё дважды, пройдя чуть подальше и перебегая в неполюженном (о, ужас) месте. Хорошо, что пешеходов у японцев давить не принято, как у нас, и даже если ты бежишь посреди дороги, они затормозят и пропустят. Дороги у них узкие и короткие, постоянно надо тормозить и поворачивать, поэтому и не разгонишься сильно. У меня сначала сердце замирало от такого экстрима, в Хабаровске меня бы уже в живых не было, а тут я вскоре и привыкла, и

понагледла.

Перебежками мы нашли еще один малипусенький ресторанчик, в котором тоже было всего два больших столика и место у стойки бара. Один столик был занят, второй заняли мы. Здесь меня ждал неприятный сюрприз: отверстия под столом не было! Пришлось поджать ноги под себя и сидеть на коленях. Промучившись минут десять, я обратила внимание, что сидящие за соседним столом парень с девушкой не соблюдают правила приличия: они вытянули босые ноги вдоль стола, сидели полубоком друг другу и увлечённо о чем-то болтали.

«Значит, и мне можно расслабиться», — вздохнула я и вытянула свои уже затёкшие ноги.

Хидемаса тем временем был занят изучением меню и заказом блюд. Вчера я призналась, что люблю красное вино, и удивилась, когда девушка- официантка принесла мне бокал, который стоял на тарелочке. При мне же девушка принесла большую бутылку с вином, открыла её и наполнила бокал с верхом, так что излишек стёк в эту самую тарелочку.

— Зачем так наливать? — спросила я у Хидемасы.

— Не знаю, так принято, наверное, — шепнул он мне в ответ, глядя, как девушка уносит бутылку.

Хидемаса опять заказал себе кувшинчик водки.

— Попробуй, — протянул он мне рюмку.

Я отхлебнула глоток. На вкус это была настойка моей бабули на малине, очень мягкая и бодрящая.

— Ну как?

— Интересно, но я лучше, пожалуй, вина выпью.

Вино имело кисловатый привкус, но было очень приятным и бархатным.

Из еды нам принесли тосты, которые надо было намазывать каким-то странным паштетиком и сыром. Потом принесли обычный салат «Цезарь», которым нас, конечно, не удивишь, и тарелочку мяса, которое просто таяло во рту.

— Мы сегодня будем есть французскую еду, — объяснил мне Хидемаса, намазывая тост. — Давай представим, что мы французские аристократы и поговорим о высоком.

— Хорошо, что ты любишь из литературы? — поинтересовалась я.

— Я всё люблю из литературы, — засмеялся он. — Я закончил университет по специальности английской литературы, но читаю я не только её. Мне понравилась и русская классическая литература — Достоевский, Толстой.

— Это очень интересно. А что ты читал у Достоевского?

— «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», — начал загибать пальцы Хидемаса.

Я чуть не поперхнулась:

— Ничего себе! Даже я не осилила «Братьев Карамазовых»! Мне теперь за это ужасно стыдно!

Я мысленно пообещала себе первым же делом, как вернусь домой, наверстать упущенное!

— Я тоже многое не понял из того, что прочитал, такой сложный сюжет и слишком много тонкостей и политических обстоятельств, о которых я не знаю. Кстати, у нас в Нахе есть русский ресторан «Перестройка». Что значит это слово?

— Ну, понимаешь, это такой период в России, когда произошёл распад СССР, и общество было вынуждено перейти на новый демократический режим с новой властью и новой рыночной экономикой. Это были очень тяжёлые времена для нас. Много людей остались без работы, появилось много бандитов, большинство из них захватывали власть и держали целые города в страхе.

— Но это изменило вашу жизнь к лучшему?

— Я бы так не сказала.

— У нас в Японии есть много фанатов Путина, мне тоже он нравится.

— Почему?

— Он сильный человек и сильный лидер.

— Ну ещё бы — столько лет у власти, — усмехнулась я.

— А тебе он не нравится?

— Нет.

— Почему?

— Именно потому, что мы как жили плохо, так плохо и живём, ничего не меняется к лучшему. Богатые богатеют, бедные беднеют. Конечно, это не только от власти зависит. В большей степени всё зависит от самих людей.

— Почему тогда вы не протестуете?

— А толку? Уйдёт один бандит, на его место придёт другой.

— Значит, у вас правят бандиты?

— Я не уверена на все сто и не буду уверять тебя в этом, но думаю, что это так, иначе всё бы было по-другому.

Мы с жаром беседовали, как вдруг Хидемаса наклонился ко мне и сказал:

— Давай уйдем отсюда.

— Конечно, как хочешь.

Мы расплатились и вышли на улицу, я не удержалась и спросила:

— Почему ты так внезапно предложил уйти?

— Не люблю такие маленькие ресторанчики, потому что все слушают, о чём мы говорим, тем более они прислушиваются, если говорят на английском. Ты разве не заметила, как все затихли, когда мы стали обсуждать политику?

— Нет, — удивилась я.

— А я сразу заметил, поэтому не стоит разговаривать о важных вещах в таких местах.

Мне и самой не очень хотелось продолжать политическую тему, всё это слишком запутанно для меня, а объяснить свои мысли по этому поводу японцу я бы и не смогла вовсе.

Мы вернулись в квартиру. Кстати, я ещё не говорила, что квартира располагалась в доме, этажи которого нумеровались не цифрами, а буквами. Мы жили на третьем, то есть на этаже С. Подъездов, у них нет, зато есть такой балкончик, на который поднимаешься на свой этаж по лестнице с улицы. Проходя вдоль этого балкончика, можно попасть в четыре квартиры на этаже. Мы жили в С6. Дверь открывалась с полпинка, так как держалась на хлипком замке. Когда заходишь домой, просто поворачиваешь защелку вертикально, а можно и не поворачивать: здесь воров нет, и без приглашения никто не войдет. Удивительная страна, но так, наверное, и должно быть. Человек в своём доме не должен бояться за свою жизнь и за своё имущество, не нужно устанавливать громоздкие двери, отгораживаться от всего мира еще десятью замками и сидеть в четырёх стенах, будто в неприступном замке.

Придя домой, мы ещё немного поболтали, проверили погоду на завтра. Синоптики обещали ясный, жаркий день, и мы решили, что с утра отправимся в порт за билетом на остров.

Утром мы наскоро позавтракали и собрали рюкзаки. Я упаковала свой спальник, Хидемаса утрамбовал палатку и одеяло. Хорошо, что, помимо легких осенних ботинок, я на всякий случай прихватила балетки! А передвигаться то по острову в сапогах было б не очень комфортно.

Порт был в полудне ходьбы от дома, и мы снова пошли пешком вдоль того же знаменитого канала, только теперь уже в другую сторону. По дороге Хидемаса рассказал, что списался с девушкой-каучсёрфером, которую он тоже уговорил поехать на острова, и что мы можем встретить её в порту. Однако в порту кроме нас почти никого и не было, а с рюкзаками были только мы одни. Оказалось, что эта девушка уже отбыла на теплоходе до дальнего острова, а мы решили пока изведать ближайший и самый большой. Путь на теплоходе занял два часа. Конечно, можно было бы переплатить и взять скорый, но куда нам спешить, здесь и так было на что посмотреть.

Зайдя на борт, мы поднялись на верхнюю палубу и заняли места. К моему удивлению, желающих отдохнуть на острове набралось порядка двадцати человек. На верхней палубе вместе с нами заняли места девушки, которые сразу же принялись фотографировать и снимать всё кругом на свои телефоны. Рядом находилась пара влюбленных. Девушка, очень красивая, как с обложки журнала, стройная, тонкая, в короткой юбке и наброшенной на плечи мужской куртке. Её длинные волосы были завиты в локоны и аккуратно уложены под шляпку. И парень — маленький, коренастый, далеко не красавец, зато с золотой цепью толщиной в палец. «Вот и у них то же самое, — с грустью подумала я. — Красавица и богатое чудовище». Девушка сразу же достала эту модную палку для селфи, чем уничтожила всю мою симпатию и сочувствие к ней. Я вообще думала, что такой палки на самом деле не существует, что это розыгрыш социальных сетей или что-то подобное, но оказалось, что она реальна. Поэтому я мигом потеряла интерес к этим модникам.

Ещё с нами путешествовали парочка иностранных туристов, я думаю, это были итальянцы — высокие, смуглые, с длинными лицами и носами и черными глазами. Они сидели в обнимку напротив меня, поэтому я невольно любовалась ими всю поездку.

Помимо них, был смешной модный юноша в больших и кривой формы очках, с длинной выкрашенной чёлкой набок. «Да это же Энди Уорхол!» — засмеялась я про себя. Парень был одет в майку-боксёрку, сверху была цветная курточка, на ногах свисающие до колен штаны, а изо рта он не вынимал сигарету. Вид он имел довольно надменный, развязано расположился на стуле, облокотясь на спинку и вытянув ноги чуть ли не в шпагат. Так он и присидел до конца — то ли спал, то ли замёрз.

Еще на палубе находилась странная семейка хиппи. Отец — молодой мужчина в заношенных джинсах, стёртых до дыр внизу, в растянутом свитере до колена, с длинными, всклокоченными волосами, собранными в мышинный хвостик сзади. Он был сильно худощав, немного горбился и курил самокрутку. Мать тоже в линялой майке и джинсах, я её видела только мельком, она спустилась вниз и всё время пробыла там, пока отец играл с сыном. Сынишка лет семи, непослушный и шумный, носился по всей палубе, радостно визжа, когда отец пытался поймать проказника. В итоге, как только закончилась самокрутка, мужчина схватил-таки

сына за шиворот и попытался отвести его вниз, на что тот вцепился, как клещ, обеими руками за бортик и визжал что есть мочи. Отец, хохоча и уговаривая малыша, с трудом разжал ему пальцы, подбросил за ноги через плечо и поспешил по лестнице, пока малыш не успел схватиться за что-нибудь ещё.

А рядом расположилась пожилая пара, ничем особо не примечательная. Они тихонько просидели в уголке, наблюдая за волнами. Ещё был странный тип потрепанного вида с огромным синяком на пол-лица. Он мрачно смотрел на всех исподлобья, сидя в месте для курящих.

Вот такая компания отправилась с нами на удивительный остров Такушики. Вдоволь понаблюдав за попугайками, мы с Хидемасой спустились на среднюю палубу (всего их три). Здесь можно было зайти внутрь и растянуться в кресле перед телевизором, но мы пошли исследовать нос палубы, откуда понаблюдали за приближающимся островом, что довольно быстро вырисовывался на горизонте среди бескрайнего зелёного моря. И почему всегда говорят, что оно синее? Здесь, может, было неправильное море, но оно точно было зелёным. На носу парома было очень холодно, солнце здесь закрывала верхняя палуба, а навстречу дул сильный холодный ветер, поэтому, замерзнув, мы спустились на нижнюю палубу. Тут тоже можно было зайти в закрытую часть, где располагались отдельные комнаты, на полу были постелены мягкие коврики, благодаря чему в каждой комнате спал или просто лежал народ. В одной из комнат мы увидели старых знакомых — семью хиппи. Малыш продолжал баловаться, повиснув на отце и цепляя его за разные части тела. «Нелегко ему, наверное», — посочувствовала я.

Так незаметно и прошло два часа пути, и вот мы уже причаливаем к берегу.

— Смотри! — воскликнул Хидемаса.

На причале нас встречал очень загорелый парень, одетый в шорты и майку и с панамой на голове.

— Это добрый знак! — улыбнулся мой друг. — Возможно, тебе удастся искупаться.

— Конечно, удастся, я за этим и приехала, зря, что ли, купальник через полмира тащила?

Сойдя на берег, мы зашли в здание портового вокзала, взяли пару карт местности и стали гадать, куда же нам отправиться дальше. Судя по карте, до пляжа было очень далеко, так как порт находился в северо-западной части острова, а пляж — на самой его южной точке. Но тут всё оказалось просто: выйдя из здания порта, мы увидели множество автобусов, больших и маленьких, можно было взять напрокат машину или скутер, но мы решили, что в этом нет необходимости. Хидемаса расспросил у водителей, куда они направляются, и мы сели в один из больших автобусов, что шёл в нужную нам сторону. Ехали мы, то поднимаясь по дороге вверх, то спускаясь вниз. Мимо проносились лесистые сопки, поля, промелькнул даже небольшой посёлок.

Минут через пятнадцать автобус остановился, и все стали выходить. Вышли и мы. Люди сразу разбрелись кто куда, а мы стали искать на карте, где же пляж, потому что кругом были только домики. Быстро сориентировавшись, мы нашли дорогу, но решили для начала перекусить где-нибудь. Тут нам попалось уличное кафе, столики и стулья располагались прямо во дворе. На входе стояла огромная бочка с табличками, зазывающими на вкусную еду и хорошую выпивку. За лжебарной стойкой, табличка на которой гласила «Здесь вы можете попробовать напитки со всего света», возвышались полки с бутылками из-под виски, бренди, всевозможных ликёров, текилы, джина — все пустые. В углу стоял спортивный мотоцикл Ямаха, он не давал мне покоя всё время. Так и хотелось его угнать, ну или хотя бы одолжить покататься на часок. Тут от грязных мыслей меня отвлекла девушка-официантка, она же хозяйка, она же и повар, что вышла из расположенного тут же домика. Она поинтересовалась, хотим ли чего-нибудь заказать, на что мы ответили утвердительно. Она нам предложила выбрать столик, и я, конечно, заняла маленький стол рядом с Ямахой. Тем более, что в углу я заметила ещё одну бочку с бутылкой из-под Джека, делившую соседство с куклой негра, одетого во фрак и цилиндр. Антуражу добавляли различные таблички на стене и старый радиоприемник, который, как оказалось, даже работает. Меню было не сильно разнообразным, но зато с названиями на английском языке. Я спросила о блюдах, названия которых мне были непонятны, и остановилась на Лапута-тосте. Если вы являетесь, как и я, фанатом творчества Хаяо Миядзаки, то вы наверняка видели чудесный мультфильм «Замок Лапута» и знаете, что Лапута-тост — это тост с яичницей сверху. Ничего сверхъестественного, но когда мне его принесли, я поняла, что ничего вкуснее я ни разу не пробовала! К тому же в придачу к тосту мне принесли мисочку супа и салатик. Божественно! Опять же, пыталась повторить дома — ничего не получилось: и хлеб невкусный, и поджаривается не так, и яйцо на хлебе не держится, и колбаса у нас не такая нежная. Ради такого тоста стоит вернуться на Такушики хотя бы раз!

— Теперь можно и купаться! — довольно заявила я.

Летом на острове отдыхает очень много людей, поэтому здесь есть множество отелей и санаториев, а местные жители сдают своё жильё в аренду. Но сейчас все пустовало. Несмотря на это нас не интересовала крыша над головой и удобства, ведь мы приехали сюда с палаткой! Мы нашли специальную поляну для кемпинга, совершенно пустую сейчас. Разбили палатку в наиболее приглянувшемся месте под деревом, я мигом переделалась в купальник и с нетерпением ждала, пока Хидемаса закончит распаковывать вещи.

Кстати, очень удобно оказалось, что рядом находилось небольшое здание, оказавшееся и туалетными комнатами, и даже душевыми. Правда, за душ надо было заплатить, но я привыкла обитать дикарём и решила перетерпеть до возвращения в Наху. Билет на теплоход покупается сразу в обоих направлениях, туда вписывается имя пассажира, возраст, даже место проживания, дата отбытия и дата прибытия. Так что обратный билет у нас был на следующий день на пятнадцать тридцать.

И вот, наконец, я вприпрыжку спустилась на берег и замерла от восторга: мелкий белый песочек, лазурные волны, слепящее солнце, играющее бликами на воде, зелёные пальмы вдоль берега и никого вокруг! Я в раю! Бросив полотенце и балетки, я подбежала к воде и осторожно попробовала воду ногой — тёплая! Пройдя немного вперед, как только вода достигла района бёдер, я занырнула с головой, проплыла несколько метров, вынырнула, как закончился воздух, и не смогла сдержать визг — так здорово!

Море ласкало и баюкало, я чувствовала себя дельфином: я ныряла и кружилась, я хотела взлететь и снова нырнуть. Как раз попался высокий коралл, с которого я благополучно оттолкнулась и занырнула ещё. Я плавала кролем, брасом, на спине и дельфином — я вспомнила всё, чему учили меня в бассейне в универе, я извивалась в воде, как змея, и замирала, как морская звезда, я чувствовала, как моё тело наполняется энергией моря и солнца. Я смеялась от счастья и пьянела от восторга. Хидемаса, грустный, наблюдал за мной с берега. Наплававшись вволю, я заставила себя выйти на берег, чтобы мой друг не чувствовал себя одиноко. Полежав немного и пообсохнув на солнце, я предложила прогуляться по берегу. Песок был очень приятный на ощупь, я пошла босиком, Хидемаса последовал моему примеру. На пути нам встретилась уже знакомая нам парочка итальянцев. Они фотографировались на фоне окрестностей и весьма удивились, увидев меня в одном купальнике.

«А нам всё равно!» — вертелось у меня в голове.

Чем дальше мы уходили, тем больше стало попадаться под ногами крупных обломков. Хидемаса взял один в руки и сказал:

— Видишь это? Во время второй мировой войны американские самолеты бомбили японские острова, и здесь погибло очень много людей. Эти обломки — это кости тех погибших!

Видя мои округлившиеся глаза, Хидемаса рассмеялся и признался:

— Да шучу я! Это просто кораллы, но они и правда очень похожи на кости, и здесь действительно погибло много людей во время войны.

«Ах ты, шутник! Петросян, блин», — насупилась я.

Эти же кораллы отомстили шутнику за меня: дальше идти по ним было довольно больно, мои-то ноги привыкли к любому дискомфорту, а вот ему было несладко, поэтому он быстро отстал, а я тем временем уже прыгала по большим камням, пробираясь на другую бухту. Тут меня заинтересовала одна небольшая пещерка, расположенная под высоким курганом, на выступе которого возвышалась табличка и лежали цветы. Приглядевшись, я увидела, что надпись сделана на английском. Она гласила, что на этом месте в 90-х годах сорвалась с обрыва девочка, ей было девятнадцать лет.

«Ладно, туда я не полезу», — грустно подумала я. Здесь меня догнал ойкающий и причитающий Хидемаса.

— Ты такая сильная, — удивлялся он. — Это же так больно, как ты это делаешь?

Я тоже решила над ним посмеяться:

— В России, если ты слаб, ты мёртв. Поэтому все русские такие сильные.

Я сказала это в шутку, но призадумавшись, я поняла, что не такая уж это и шутка.

Завернув за край кургана, я увидела, что на него ведёт сделанная из больших камней лестница, и не смогла сдержать своего обещания. Я мигом забралась по каменным ступеням наверх, подгоняя друга.

— Ты же лазаешь по горам, почему тогда хождение по камням доставляет тебе такие неудобства? — спросила я.

— Но по горам-то ты поднимаешься в обуви, а тут босиком.

— Какая разница?

— Большая! У тебя просто очень сильные ноги!

— Ну ещё бы, я же ирландскими танцами занимаюсь, а это тебе не шутки.

— А меня научишь танцевать?

— Да хоть прям здесь! Только один прыжок — и ты летишь вниз головой.

— Тогда как-нибудь потом.

— Ладно.

Мы перевели дух, но тропинка наверху не заканчивалась, она вела куда-то сквозь кусты. Я смело стала прорываться через высокую траву. Через пару метров мы вышли на поляну, посреди которой была ещё и винтовая железная лестница на смотровую площадку. Наверху нам открылся удивительный вид на пляж и море. С одной стороны мы увидели место, откуда пришли, с другой была соседняя бухта. Облокотившись на перила, я рассматривала море. У берега вода была прозрачно-голубой, дальше появлялись тёмные пятна,